ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ

DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.060
УДК 811.161.1'282.2 + 811.161.1'374.2

Е. Л. Березович

О. Д. Сурикова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Данная статья посвящена проблемам полевого сбора и лексикографической интерпретации ряда слов, встречающихся в составе русских народных злопожеланий, к числу которых принадлежат в первую очередь проклятия, а также угрозы и бранные послы. В диалектных словарях наблюдается разноречивость в подходах к дефинированию злопожеланий, выделению опорного слова и определению грамматических характеристик элементов злопожелания, оформлению вариантов и пр. Но основная трудность, из-за которой предоставляемые словарями данные могут оказаться недостоверными, — создание «фантомных» слов и особенно их значений. Иногда составители словарей осуществляют невольную «демонизацию» персонажей, действующих в злопожеланиях, — приписывают лексемам, занимающим в проклятиях позицию субъекта действия, несвойственную им мифологическую семантику (вят. *но́готь* 'черт', курск. *оса́д* 'домовой', новг. *касть* 'нечистая сила', новг. *тур* 'черт' и т. д.). Эти ошибки могут возникать на стадии полевого сбора, когда материал получает недостаточное количество фиксаций, что мешает «разгадать» пути компрессии, затемняющей форму проклятий. В ряде случаев ошибки появляются в ходе дальнейшей лексикографической интерпретации материала, когда авторы словарей, не обладая полной информацией о семантике и функционировании слова, спешат приписать ему системно-языковой статус, «вынимая» его из устойчивого сочетания, в составе которого слово встречается, и «мифологизируя» его, — возможно, несуществующий — денотат.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

© Березович Е. Л., Сурикова О. Д., 2017

К л ю ч е в ы е с л о в а : русские народные говоры; диалектная лексикография; «фантомные» слова; злопожелания; инвективы; семантико-мотивационная реконструкция.

Материалом для статьи послужили русские народные злопожелания, в число которых входят главным образом проклятия, а также угрозы и бранные посылы. Изучение таких формул проливает свет на особенности реализации магической и экспрессивной функций языка, а также дает возможность зафиксировать слова, лексические значения, словообразовательные элементы, «застывшие» в бранных формулах и не встречающиеся (либо встречающиеся редко) за их пределами. К сожалению, русские злопожелания (в отличие от соответствующих формул в некоторых других славянских языках) пока не только в полной мере не изучены, но и не собраны воедино; они «рассыпаны» по словарям и паремно-логическим сборникам.

При лексикографической обработке этого материала возникает множество проблем. В словарях (и даже одном и том же словаре) наблюдается разноречие в подходах к дефинированию злопожеланий, выделению опорного слова и определению грамматических характеристик элементов злопожелания (особенно предиката), оформлению вариантов и пр. Но если вопросы унификации решаемы в ходе дальнейшей обработки данных — в конкретном исследовании, выполненном на их основе, при составлении сводного словаря и пр., то проблема лингвистической достоверности данных должна по возможности решаться при их сборе и первичной лексикографической интерпретации. Именно этой проблеме посвящена настоящая статья.

Формулы злопожеланий трудно дублировать при сборе диалектной лексики, поэтому во многих словарях, к сожалению, они подаются с единичными или немногочисленными контекстами или вообще без них. В то же время множественность фиксаций здесь особенно значима, поскольку позволяет воссоздать лингвопрагматические условия, в которых произносятся злопожелания, а также запечатлеть разнообразие их структурно-семантических вариантов. Цепочка вариантов может дать ключ к разгадке путей к о м п р е с с и и, составляющей характерную особенность злопожеланий и нередко затемняющей их внутреннюю форму.

Так, в костромских говорах сотрудники Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) единично зафиксировали выражение **Подь ти сквóзи**: «Ой, подь ти сквози, опять сѣдня коров прокараулила» [ЛКТЭ]. Причины появления формы *сквóзи* не очень ясны — как неясно отсутствие существительного в вин. пад. при этом слове. Данная форма поддерживается влг. *сквóзде*, *сквóзе*, *сквóзье*: *Провались сквóзде*; *Ну тебя сквóзде*; *Сквóзье, чуть не упала* и т. п. [СВГ, т. 10, с. 18]. Последние, в свою очередь, «прочитываются» на фоне нар. *Провались (провалиться бы тебе) сквозь землю!* [Даль ПРН, т. 3, с. 212], костр. *Ой ты сквозь землям!*, *Поди-ка ты сквозь землям!* [СРНГ, т. 37, с. 407] и т. п., ср. также вят. *сквозземельник* «бранное слово (?)»: «Сквозземельник ты эдакой <выражение досады и гнева>» [Там же, с. 404].

Фиксация бранного слова **кабзді** тоже единична. Его записали сотрудники ТЭ УрФУ в Никольском районе Вологодской области: «Ах ты, кабзда, чего натворил, нашалил! “Кабзда” могут сказать хоть про детей, хоть про зверей» [КСГРС]. Вероятно, это слово — трансформация просторечной формы *кабыздох* — шутливой брани в адрес собак, лошадей и других животных (в первую очередь слабых и старых). Для подтверждения этой версии нужны дополнительные фиксации лексемы.

Компрессия приводит порой к появлению «нечитаемых» форм. В говорах Красноборского района Архангельской области отмечено бранное слово **ка́ранича**, которое дается в [СГРС, т. 5, с. 69] с толкованием «шутливое ругательство (по отношению к человеку)»: «Каранича, за водой не сходила; толокно рассыпала — каранича»; «Ой ты, каранича, худо идёт». К сожалению, в других источниках слово не фиксируется. Как прозорливо предположила М. Э. Рут, участвовавшая в полевом сборе этого слова, *ка́ранича* представляет собой компрессию формулы **Ка́ра на тя (= тебя)!*, ср. заурал. *Ка́ра в руку* «бранное выражение — пожелание, чтобы тот, кому говорят, ошибся» [СРНГ, т. 13, с. 63]. Если бы собирателям удалось увеличить количество фиксаций этого выражения, они могли бы выйти на более полный вариант формулы и подтвердить приведенную выше догадку.

Обратимся к вопросу о достоверности семантической интерпретации лексики злопожеланий, которая производится лексикографами. В последнее время появился целый ряд работ, авторы которых осуществляют филологическую критику словарей, отыскивая в них «призрачные» слова, или «фантомы» [см., например: Астахина; Добродомов; Журавлев, 2014; Страхов; Шаповал]. Далее будут приведены примеры, где «фантомными» чаще являются не собственно лексемы, а их значения. Хотелось бы представить разбираемые случаи не как экспонаты своеобразной кунсткамеры странных форм и ошибочных толкований, а как проявление некоторой тенденции, свойственной диалектной лексикографии.

Первый пример обнаруживает фантомную лексему. В [СРНГ, т. 25, с. 239] представлено новг. **Паро́к бы ты изну́рял!** с дефиницией «бранное выражение». Похожая идиома отмечена и в [СРНГ, т. 20, с. 129]: новг. *Наро́к бы ты изны́рял!* Судя по хронологической помете (1852), в СРНГ последняя формула попала из «Опыта областного великорусского словаря», где она фигурирует в такой записи: новг. *наро́к* «клятва, проклятие, употребляемое в выражении *Наро́к бы ты изны́рял!*» [Опыт..., с. 123]¹. При этом инвектива со словом *парок* в «Опыте» отсутствует. Понятно, что произошло банальное графическое смешение *П* и *Н*. Правильность прочтения *нарок* (а не *парок*) подтверждается тем, что имеется фонетически близкое курск. *Нор тебя изны́ряй!* [СРНГ, т. 21, с. 278], ср. новг., калуж. *изны́рять* «покрыть язвами, искушать (в бранных выражениях)» [СРНГ,

¹ Ср. арх. *наро́к* «в суеверных представлениях — болезнь, причиненная дурным глазом», «гнойный нарыв», «ногтоеда», «свищ» [СРНГ, т. 20, с. 129].

т. 12, с. 160]². Вообще для текстов проклятий характерны тавтологические конструкции, созданные по законам лексической инерции³: звукокомплекс, представленный в глаголе (самом «сильном» актанте проклятия, часто обозначающем разрушительное действие), повторяется в связанном с ним существительном или прилагательном⁴. *Нор* и *нарок* как раз выполняют такую роль при глаголе *изнырять* (*нор* еще и словообразовательно произведен от этого глагола). Слову *нарок* «не повезло» в СРНГ дважды: ошибочная фиксация имеется также в статье *изнырять*, где дается проклятие новг. **Нарон бы тя изнырл** [Там же]. Как нетрудно догадаться, *нарон* не встречается ни в одном из известных нам диалектных словарей.

Еще один случай, когда лексикографы создают несуществующее слово, — нар. **Разнолетник тебя (вас, его и пр.) расшиби!** [БСРП, с. 554]. Слово *разнолетник*, получающее дефиницию 1) ‘один из видов черта’, 2) ‘сердечный удар’ [Там же], выглядит как сложение прил. *разный* и сущ. мн. ч. *лета* ‘годы’ и словообразовательно членится следующим образом: **разно-лет-ник*. При этом соотношение внутренней формы этой лексемы и ее семантики (в том виде, в котором она очерчена авторами БСРП) неясно — и не прояснится, пока мы не обратимся к функциональным номинациям черта, а также бранным словам, относящимся к совершенно другому гнезду — *летать*. Известны демони́мы *лету́н* (влад., морд.) [СРНГ, т. 17, с. 25; СРГМ, т. 1, с. 488] и *налётный* (морд.) [СРГМ, т. 1, с. 607], фигурирующие в составе злопожеланий: *Ну тебя (его, их и т. п.) к летуну!* *Налётный бы тебя (вас, их и т. п.) взял (не видал)!* (морд.) [Там же, с. 488, 607], а также бранное слово, очевидно, напрямую выводимое из обозначений чертей, — том. *разналётна* [СРНГ, т. 34, с. 33]. Сходство «мифического» *разнолетника* с *разналётной* настолько явно, а его текстовое функционирование так близко к бытованию в инвективах *летуна*, что не вызывает сомнений факт переразложения слова при подаче в словаре: *раз-на-лет-ник* (< *летать*) → **разно-лет-ник* (< *разный* + *лета*). Связь разбираемого слова с глаголом *летать* подтверждается также активностью полипрефиксальных образований — особенно с участием приставки *раз-* — в проклятиях, ср. омск. *Разопáсни кого в душу* [ФСРГС, с. 164] (при омск. *Опáсна тебя в душу* [СРНГ, т. 45, с. 316]), иркут. *Распятна́й тебя (его, её и т. п.)* [ФСРГС, с. 164] (при иркут. *Пятна́й тебя (его, её и т. п.)*) <в глаза>! [Там же, с. 159]), омск. *Распротра́фь тебя (его, её и т. п.) в рожу* [Там же, с. 164] и даже омск. *Распро́якри кого в душу* [Там же] (ср. омск., ср.-обск., том. *Проя́корь тебя (его и т. д.)* <возьми> [СРГС, т. 5, с. 386], а также новосиб., кемер., томск. *Яко́рь тебя (его, её, их)* [ФСРГС, с. 224]) и мн. др. Так — из-за простой путаницы в графической передаче диалектных слов — множатся инвективные квазисущности.

² Имеются и другие проклятия, в состав которых входит этот глагол: калуж. *Волосатик тя изнырай! Хри́щем тебя изнырай* [СРНГ, т. 12, с. 160].

³ На материале заговоров см. об этом [Толстая].

⁴ Ср. пск. *Катись кату́щим камнем!* [СРНГ, т. 13, с. 136], орл. *Провали́сь все прова́лом!* [СРНГ, т. 32, с. 90], морд. (рус.) *Сгори́ га́ром!* [СРГМ, т. 1, с. 132], курск. *Облом тебя обломи!* [СРНГ, т. 22, с. 108] и т. п.

Пример ошибочного приписывания лексеме несвойственного ей значения — статья в [БСРП, с. 444], где при вят. *Ноготь бы тебя взял!* дается комментарий: «Ноготь — черт, нечистая сила». Эта словарная статья составлена на основании данных из [СРНГ, т. 21, с. 267], где у многозначных слов *но́готь* и *но́коть* в качестве одного из значений выделяется ‘черт’, снабженное пометой «бранно»; иллюстративный материал же состоит только из формул злопожеланий: арх. *Нокоть те дери*, тобол. *Ноготь тебя задави*, *Ноготь бы на тебя*, вят. *Нокоть заломай*, *Нокоть бы те взял*, горьк. *Ноктем техвати*. Как видим, значение ‘черт’ выведено только на основе смыслового тождества высказываний типа *Нокоть бы те взял* и *Черт бы те взял*. Составители словаря вятских говоров, откуда авторами БСРП извлечено слово *но́готь* (известное как на Вятке, так и во многих других говорах Русского Севера, Поволжья, Урала, Сибири), не выделяют в его семантической парадигме значения ‘черт’ [ОСВГ, т. 6, с. 251–252]. Базовое значение лексемы — ‘общее название нескольких болезней скота’ [СРНГ, т. 21, с. 266–267], именно из него выводятся другие звенья смыслового комплекса. Легкость перехода от «болезненной» семантики к бранной у слов этого гнезда подтверждается тем, что от *ногтя* может быть образован даже предикат бранной формулы (самый сильный ее элемент), ср. енис. *Нóгти ее!* ‘бранное выражение’ [Там же, с. 267]. Таким образом, «демонизация» сигнификата слова *ноготь* (*нокоть*) в СРНГ и особенно в БСРП кажется нам избыточной. Проклятия типа *Нокоть те дери* или *Ноготь тебя задави* свидетельствуют о возможности анимизации болезней (явления, широко распространенного не только в проклятиях, но и, например, в лечебных заговорах), и не более того.

Еще один случай излишней «демонизации» актантов проклятия представлен в примере из курских говоров, где записано выражение *Осади осáд (кого-либо)!* [СРНГ, т. 23, с. 350]. *Осáд* определяется составителями словаря как ‘домовой’ — кажется, на основании одного только контекста: «Осади того осад, кто ходит к нам в сад» [Там же]. Скорее всего, такое толкование ошибочно. Слово *осад* имеет контекстную обусловленность, оно образовано от глагола *осадить* и является реализацией приема лексической инерции, который, как говорилось выше, характерен для текстов проклятий. Правильнее предполагать наличие у этой лексемы не мифологической, а общей деструктивной семантики, ср. значения производящего глагола: *осади́ть* арх. ‘прищемить, поранить’, смол. ‘огорчить’, моск. ‘съесть’, см. также пск., твер. *да́ть осáду* ‘дать отпор кому-либо, осадить’ [Там же]. Таким образом, *осáд* — ‘тот, кто способен поранить / огорчить / съесть / воздействовать физически на объект проклятия’⁵. Это некий «квазисубъект», поданный составителями словаря как «реальный» персонаж.

В [НОС₁, т. 4, с. 29] отмечено выражение *пойти на все (разные) кáсти*: «Ну и пошла на все касты». В статье на слово *касть* приводятся следующие

⁵ Глагол *осадить* может быть связан и с *садить*, выступающим в составе сочетаний типа перм. *сади́ть кáлу* ‘в суеверных представлениях: напускать на кого-л. колдовством, наговором болезнь в виде опухоли’ [СРНГ, т. 36, с. 26].

значения: 1) 'нечистая сила (по поверьям)', 'болезнь, навешенная нечистой силой'; 2) 'змея'; 3) 'мышь, крыса; вредные насекомые', 'кошка', 'скот'; 4) 'мерзость, дрянь'; 5) '*бран.* о детях'; 6) 'о плохом человеке' [НОС₁, т. 4, с. 29]. Возникают сомнения в правомерности выделения значения 'нечистая сила' (зафиксированного без иллюстративных контекстов); такие же сомнения выскажем относительно значений 'кошка', 'скот' (к примеру, к значению 'кошка' даются бранные контексты: «Ах ты касть <о коте>», «Вот рыжая касть, опять мясо съел» [Там же]). Думается, *касть* обозначает не более чем 'мерзость, гадость', 'мерзавец, пакостник'. Слово это, как и его производные, употребляется в первую очередь бранно, ср. пск. *касть облезлая (паршивая)* 'бранно' [ПОС, т. 14, с. 34], селигер. *касть наведённая* 'то же' [Селигер, т. 3, с. 23], вят. *По́кась бы тебя взяла!* 'служит для выражения недобрых пожеланий' [ОСВГ, т. 8, с. 106] и т. п.

Другой отглагольный квазимифоним — *тур*. Тексты злопожеланий, где он функционирует, таковы: калуж. *Иди ты на тур, Пошла ты на тур*, новг. *Иди ты к ту́ру*, дон. *Иди ты к тура́м* [СРНГ, т. 45, с. 261]. В [НОС₁, т. 11, с. 72] и далее в [СРНГ, т. 45, с. 261; БСРП, с. 674] слово *тур*, иллюстрируемое этими формулами, определяется как 'черт'. Однако уже в переиздании «Новгородского областного словаря» дефиниция лексемы меняется: *тур* 'часть тела человека ниже спины; зад': «Да в тур твои огурцы» [НОС₂, с. 1209]. Затем после фразеологического «ромбика» приводится еще несколько экспрессивных выражений с участием *тура*: «За каким ту́ром ему эта машина»; «Иди (шёл бы) на ту́р (к ту́ру)»; «Шёл бы ты на ту́р с огурцами»; «Шёл бы ты к ту́ру» и т. п. [Там же]. Возможно, определяя новгородский *тур* как соматизм, составители словаря ориентировались не только на контекст, но и на данные В. И. Даля, который дает слово *тур* со знаком вопроса, выделяя у него значение 'зад у человека, задница, ягодица', не приводя контекстов и ставя при нем помету «кал.-мед.» (Медынский уезд Калужской губернии) [Даль₂, т. 4, с. 444]. Контексты к слову *тур*, записанные на других территориях, тоже носят экспрессивный характер: влг. «Кой тут мне ваша Шура, мне хлеб подавай! *На кой тур?*»; казан. «Наша сова дура, Не знает *ни тура*, В нашем поле не бывала, Наших людей не видала»; морд. «Куда побежал? Ну-ка стой! — Таньк, да *тур с ним*» (морд.) [СРНГ, т. 45, с. 261]. Анализ бытования экспрессива *тур* в говорах позволяет предположить, что это отглагольное образование от простореч. *турнуть, вытурить* (кого-л.), диал. шир. распр. *тури́ть* 'отправлять, посылать кого-л., что-л., куда-л.': «Бабы пристали с мужьями да и ну турить дурака к отцу на могилу» (иркут.), «Тури ты его на работу» (краснояр.), *тура́ть* арх., пенз., иркут. 'выгонять, прогонять кого-л.', арх. 'посылать, направлять, отправлять с какой-л. целью': «Меня турали куда попало работать-то. Людей-то в колхозе не хватало» и др. [Там же, с. 263, 268]. В семантической парадигме диалектных глаголов встречаются также значения 'толкать, пихать', 'ударить, побить, поколотить кого-л.', 'бранить, ругать кого-л.' и др. [Там же]. Кроме того, глагол *тури́ть* употребляется в составе редупликативной формулы *ту́ром тури́ть* том. 'гнать, прогонять кого-л.', новосиб., том. 'очень быстро гнать (скот)' [Там же, с. 277], ср. также вят. *турь-тури́ть*

‘спешить, торопить, подгонять кого-л.’ [СРНГ, т. 45, с. 286]. Из подобных формул и могло быть вычленено слово *тур*, связанное с *чертом* только тем, что выступает в аналогичных по структуре выражениях, в которых, впрочем, функционируют и многие другие экспрессивные лексемы⁶.

Та же ошибка — выведение значения слова с опорой на структуру инвективного выражения, в котором оно фигурирует, — привела лексикографов к созданию другого квазимифонима — *кляп*. Авторы СПП, где встречается посыл пск. *Иди (пошел) к кляпу!*: «Иди ты к кляпу», «Пошёл он к кляпу со своим разговором», указывают: *кляп* ‘здесь: черт, дьявол’ [СПП, с. 45]. На самом деле *кляп*, как справедливо полагают составители «Псковского областного словаря» [ПОС, т. 14, с. 246] — первичного по отношению к «Словарю псковских пословиц и поговорок» источника, — это эвфемизм мужского полового члена (изначально обозначающий разного рода палки, колья, затычки [СРНГ, т. 13, с. 330–331]), ср. другие бранные выражения, в которых появляется это слово: ворон., ленингр. *Кляп с тобой*, влг., ленингр. *Кляп тебе в рот* [Там же, с. 331], пск. *Кляп его (вас) знает*, пск. *Кляп тебе*, пск. *ни кляпа* ‘абсолютно ничего’: «А там ни кляпа нет» [ПОС, т. 14, с. 246–247], а также особенно «говорящую» инвективу пск. *Дай кляп, да облупленный* ‘в ответ на настойчивое требование капризного человека’ [Там же]⁷.

В [БСРП, с. 465] при моск. *Опрічь тебя (вас, его и пр.) возьми (побери)!* дается «расшифровка» трех значений слова *опрічь*: 1) ‘припадок, внезапный приступ’; 2) ‘порча, сглаз’; 3) ‘нечистая сила’. Однако исходный словарь А. Ф. Войтенко, указанный в качестве источника этой словарной статьи, не приводит ни одного из выделенных значений. В словаре Войтенко дается следующее: *Опрічь тебя возьми*: «Апричь тибя вазьми — брань такая», «Ах ты, апричь тибя вазьми, бесстыдник эдакий, куда залес, глиди» [Войтенко, т. 2, с. 320], ср. также юж. *Опрічь хлеба святого* ‘отойди, дай покой’: «Ну тебя, опричь хлеба святого» [СРНГ, т. 23, с. 298]. По всей видимости, значения слова *опричь* сформулированы авторами БСРП исключительно с учетом препозиции слова в составе проклятия⁸ (обычно на первом месте в формулах проклятий обнаруживается действующий в злопожелании персонаж, «актор»). Однако в данном случае нет оснований считать, что слово *опричь* имеет какое бы то ни было иное значение, кроме пространственного. В говорах известны предлог и наречие *óпричь* — диал.

⁶ Примечательно воронежское проклятье *Будь она турецкая* [СРНГ, т. 45, с. 266]. Думается, ксеноним, входящий в его состав, является «ложным»: скорее всего, первоначальный импульс к возникновению этой инвективы исходил от упомянутой брани на *тур*-.

⁷ Активное функционирование слова *кляп* в проклятиях обусловлено, вероятно, не только его семантикой, но и формой: данное слово созвучно глаголу *клясть*. В проклятиях выступают и другие лексемы, дающие аллюзию к *клясть*, (*про*)*клинать*: калуж. *Кляц тебе сядь!* [СРНГ, т. 13, с. 337], влг. *Клин (тебе) в душу!* [КСГРС] и т. п.

⁸ Укажем и на такую библиографическую оплошность: при проклятии в [БСРП, с. 465] дается ссылка «Войтенко 1993: 60», которая не расшифровывается в списке литературы. Думается, что «Словарь говоров Подмосковья», выпущенный А. Ф. Войтенко в 1995 г. (2-е изд., испр. и доп.), должен был бы включать «демоним» *опричь*, если б это слово было реальным фактом, а не лексикографическим фантомом.

шир. распр. 'кроме', влг., иркут., калин., моск., новг., орл., пск., смол., твер., тул., юж. 'особо, отдельно; особенно' [СРНГ, т. 23, с. 297–298]. Эти слова восходят к **ob-pri-сь*, сложение преф. **ob-*, **pri-* и местоимения **сь* (ср. *что*) [ТСлРя, с. 570]; в одно гнездо с ними входят др.-рус. *опричьныи, опричный(-ий), опришныи* и др., в кругу значений которых есть значение 'посторонний', рус. диал. *опричный* 'отдельный', а также *опришенный* (ср. в тексте «Причитаний Северного края» Барсова: «Мне куды с горя пойти да угостится, Опришенная от спорядных я суседушек...») [ЭССЯ, т. 29, с. 25]. Показательна формулировка значения слова *опришённый, опришёный* (сев., олон.) в [СРНГ, т. 23, с. 298] — 'лишенный чего-либо; обездоленный; находящийся за пределами чего-либо'. Возвращаясь к формулам проклятий, следует предположить, что восклицания *Опричь тебя возьми, Опричь хлеба святого* подразумевают «обособление», отделение адресата проклятия, удаление его *опричь* — вовне, за пределы зоны говорящего или того места, где находится хлеб (как известно, наделявшийся в народной культуре сакральностью). Продуктивность модели «пожелание исчезновения» подтверждают, например, еще такие злоречения: ряз. *Зник те станься!* [СРНГ, т. 11, с. 316] (ср. ряз. *зник* 'исчезни, провались' [Там же]), новосиб. *Разнёт на тебя* [ФСРС, с. 163] (ср. новг., пск. *разнётитъ* 'уничтожить, обратить в нет', пск., твер. *разнётиться* 'пропасть, исчезнуть (неизвестно куда)' [СРНГ, т. 34, с. 35]), простореч. *Пусто тебя побери!* [БСРП, с. 544]. Таким образом, «демонизация» *опричь* представляется излишней.

На фоне этого случая становится яснее и следующий. В тульских говорах записано выражение ***Гын да тебя возьми!*** [СРНГ, вып. 7, с. 252]. Составители словаря приписывают слову *гын* значение 'черт', опираясь только на приведенную бранную формулу. Вероятно, мы вновь имеем дело с квазидемонимом: слово *гын*, скорее всего, образовано от *гынъ* 'слово, которым отгоняют гусей' (пск., смол.) [Там же], являющегося результатом фонетической трансформации лексемы *гиль* 'то же' (курск., ворон.) [Там же], — или непосредственно от последнего. *Гиль* же (наряду со смягченным вариантом *гиль* (ворон., юж.) [СРНГ, вып. 6, с. 172]) квалифицируется как украинизм и восходит к украинскому диалектному междометию *гилья, гиль* 'слово, которым отгоняют гусей, уток, голубей' [Аникин, вып. 10, с. 222]. Возможно, закреплению формы *гынъ* в отгонном смысле способствовало также притяжение к глаголам *сгынъ, гынъ* (ср. влг. *Гынъ ты, окоянный!* [СРНГ, вып. 6, с. 183]). Перед нами интересное явление: отгонное слово с присущими ему негативными коннотациями, обусловленными условиями употребления лексемы (отрывистый и громкий крик *гынъ-гынъ*, призванный прогнать птицу), меняет частеречную принадлежность, становясь существительным, в значении которого отражена идея провала, пропасти, исчезновения, — и ложно «одушевляется». Симптоматично и другое вторичное проявление негативной семантики отгонного слова: в курских говорах есть устойчивое выражение *гиль гнать* 'постоянно сердясь, делать кому-либо неприятности': «Ен гиль гоня на мене! — жаловалась невестка на свекра» [Там же, с. 172].

Приведенные выше примеры в большинстве своем объединяются тем, что в них имеет место неоправданная, как представляется, «мифологизация» («демонизация») персонажа, действующего в текстах злопожеланий. По сути, творится своеобразная мифология: практически любое слово, занимающее позицию «актера», становится в глазах лексикографов демонимом (мифонимом).

Справедливости ради надо отметить, что такая логика иногда свойственна самим носителям традиции. Так, в архангельских говорах фиксируется слово *желва́к*, помещенное в [АОС, т. 13, с. 271] с дефиницией ‘бран. черт, леший’ и в [СГРС, т. 3, с. 348] с дефиницией ‘черт’. Релевантность такого определения подтверждается контекстами: «Йесли человек не закрылся, йево жэлвак унесыти можэт. Унесёт йего жылвак, йесли не закрылся от чёрной силы»; «Ф самом Йемецке ходят, там какой жэлваг бродит» [АОС, т. 13, с. 271], «Нецистого желваком зовём, цтобы *цёрт* не говорить» [СГРС, т. 3, с. 348]. Этот демоним, по всей видимости, появился на основе таких выражений, как арх. *Понеси тебя желвак, Какой (еще, кой) желвак (кому) (нужно), до желвака́* ‘очень много’, *ни желвака́* ‘совсем, совершенно, нисколько’ и др. [АОС, т. 13, с. 271–272], в которых *желвак* является функциональным эквивалентом *лешего* или *черта*. Исходное значение слова *желвак* — ‘вздутие под кожей, опухоль, нарыв’ [Там же, с. 271]; этот лексико-семантический вариант, а также близкие ему арх. *жёлви*, *жовья*, влг. *жёлги* ‘нарывы, фурункулы’ и др., постоянно употребляются в составе проклятий и другого рода экспрессивных выражений [АОС, т. 14, с. 254, 256; СГРС, т. 3, с. 348–349; СРГК, т. 2, с. 44–45].

Несмотря на то, что такой механизм (от наименования болезни — через экспрессивные формулы — к демониму, который уже воспринимается вне связи с болезнью) возможен, он реализуется редко. Гораздо чаще в текстах злопожеланий отражается анимизация болезней и болезненных состояний, которым приписывается способность *забрать*, *схватить*, *заломать*, *задушить* и т. п. адресата действия. Анимизация отнюдь не предполагает, что болезнь (или какое-либо другое неприятное явление) может восприниматься как нечистая сила вне текстов злопожеланий, в нарративном режиме (а не в диалоговом, который имеет место при произнесении проклятий). Иначе говоря, если, например, слово *ноготь* играет роль субъекта действия в тексте проклятия, это не значит, что возможны контексты типа **Ноготь в лесу живет*⁹. К сожалению, именно такой

⁹ Из сказанного вытекает необходимость проверки при полевом сборе всех записываемых демонимов на предмет режима употребления — нарративного или диалогового (или обоих сразу). Иногда в словарях даются единичные контексты, которые не позволяют разобраться в этом. К примеру, в [СРГК, т. 3, с. 192] приводится ленингр. *мáлеш* ‘леший’ с единственным контекстом: «“Хвати малеш”, — говорят, малеш — леший». Здесь неясно, откуда информант вывел значение ‘леший’ — из языкового узуса или из контекстной семантики проклятия. Думается, второе более вероятно. К сожалению, данная запись вообще может быть ошибочной: на той же территории (в Подпорожском районе Ленинградской области) более устойчиво фиксируется слово *ма́деж*, употребляемое в проклятиях и отсылках: *Ма́деж возьми (задери), К ма́дежу (по-сласть)* и др. [Там же, с. 185]; оно связано, по всей видимости, с наименованием болезненных пятен на лице и теле [см.: СРНГ, т. 17, с. 290].

вывод может извлечь читатель словаря из дефиниции *ноготь* ‘черт, нечистая сила’, которая «онтологизирует» *ноготь*, а не устанавливает отношения функциональной эквивалентности *ноготь* — *черт* в некоторых контекстах. Если никому не придет в голову на основании контекстов *Барсук в лесу живет* и *Леший в лесу живет* толковать *барсук* как ‘леший’, то с формулами злопожеланий подобные операции проделываются, такие лексикографические оплошности, как показали приведенные выше примеры (не исчерпывающие весь набор подобных случаев), не единичны. Составители словарей тем самым увеличивают «отряд» нечистой силы, при этом творение мифов напоминает механизм, по которому интерпретаторы некогда выделили бога (богиню) плодородия *Лада* (*Ладу*) из песенного припева *Ой, дид-ладо* и других подобных текстов. Как указывает А. Ф. Журавлев, *Лад* «как языческое божество славян все настойчивее представляется плодом слишком пылкого кабинетного воображения» [Журавлев, 1998, с. 232]. Необходимо тщательно верифицировать лексемы из формул злопожеланий в ходе полевого сбора материала, выясняя, функционируют ли они за пределами этих формул. Если результаты полевого сбора не предоставляют лексикографу такой информации, не стоит «играть на опережение», пытаясь приписать контекстным смыслам системно-языковой статус.

Источники

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007—. Вып. 1—.
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.
- БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Логос, 1995.
- Даль ПРН — Пословицы русского народа : в 3 т. / сб. В. Даля. М. : Рус. кн., 1993.
- Даль₂ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1989).
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- НОС₁ — Новгородский областной словарь : в 12 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новг. пединститута, 1992–1995.
- НОС₂ — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1852. 275 с.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996—. Вып. 1—.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Б. А. Ларин и др. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967—. Вып. 1—.

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

Селигер: Материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–. Вып. 1–.

СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Гerd. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 т. / под ред. Р. В. Семенковой. СПб. : Наука, 2013.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ТСлРя — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Исследования

Астахина Л. Ю. Проблемы исторической достоверности источников по русской исторической лексикологии : дис. ... д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2016.

Добродомов И. Г. Как появляются и живут «призрачные» слова // *Palaeoslavica*. 1998. VI. Р. 273–280.

Журавлев А. Ф. Ой дид-ладо и его аналогии // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : Индрик, 1998. С. 226–234.

Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 8. СРНГ, П // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3 : Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. М. : ИРЯ РАН, 2014. С. 168–187.

Страхов А. Б. По страницам «Словаря русских народных говоров» (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica*. 2004. XII. № 1. Р. 254–324.

Толстая С. М. Ритм и инерция в структуре заговорного текста // Заговорный текст. Генезис и структура / отв. ред. Т. Н. Свешникова. М. : Индрик, 2005. С. 292–308.

Шаповал В. В. Выявление ошибок в диалектном словаре // «И нежный вкус родимой речи...» : сб. науч. тр., посвящ. юбилею докт. филол. наук, проф. Л. А. Климковой / отв. ред. Е. Ю. Любова. Арзамас : АГПИ, 2011. С. 508–511.

Поступила в редакцию 29.05.2017

Принята к печати 06.10.2017

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук,
 член-корреспондент РАН, профессор
 кафедры русского языка, общего
 языкознания и речевой коммуникации
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
 комн. 306
 E-mail: berezovich@yandex.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук, старший
 научный сотрудник топонимической
 лаборатории кафедры русского
 языка, общего языкознания и речевой
 коммуникации
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
 комн. 306
 E-mail: surok62@mail.ru

Berezovich, Elena Lvovna

Dr. Hab. (Philology), Corresponding
 Member of the Russian Academy of Sciences,
 Professor
 Chair of the Russian Language, General
 Linguistics and Speech Communication
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
 Email: berezovich@yandex.ru

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD (Philology), Senior Researcher,
 Toponymic Laboratory,
 Chair of the Russian Language, General
 Linguistics and Speech Communication
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
 Email: surok62@mail.ru

ILL WISHES IN RUSSIAN DIALECT DICTIONARIES: ISSUES OF LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION

This article considers issues of field collection and lexicographic interpretation of a number of words, which can be found in Russian ill wishes, such as imprecations, threats, and invectives. There are some differences in how dialect dictionaries define ill wishes, and represent their variants, as well as in singling out of the main word, defining grammar characteristics of ill wishes elements, etc. But the main difficulty that can make the data of dialect dictionaries unreliable is that there are “phantom” words and, more importantly, “phantom” meanings of these words. Sometimes authors of dictionaries involuntarily demonise the characters acting in ill wishes: lexemes denoting agents are given alien mythological semantics (Vyatka Region — *но́зоть* ‘dill’, Kursk Region — *оса́д* ‘house spirit’, Novgorod Region — *касть* ‘dillry’, *тыр* ‘dill’, etc.). Such mistakes can originate while gathering material, when there are few fixations. This prevents researchers from seeing the ways of compression obscuring the form of imprecations. Besides, in some cases, such mistakes arise in the course of further lexicographic interpretation. The authors of dictionaries do not have full information about the functioning and the semantics of a word, and, consequently, they rush to conclusions “taking it out” of an idiom in which the word exists, and attribute a systemic linguistic status to it, “mythologising” its denotation (which may not exist at all).

Key words: Russian dialects; dialect vocabulary; “phantom” words; ill wishes; invectives; semantic and motivational reconstruction.

Acknowledgements

This work is supported by the *Russian Science Foundation* (project 17-18-01351 “Contact and Genetic Ties of North-Russian Vocabulary and Onomastics”).

Astakhina, L. Ju. (2016). *Problemy istoricheskoi dostovernosti istochnikov po russkoi istoricheskoi leksikologii* [Issues of Historical Credibility of the Sources of Russian Historical Lexicology] (habilitation dissertation). Moscow State University of Education, Moscow. (In Russian)

Dobrodomov, I. G. (1998). Kak poiavliaiutsia i zhivut “prizrachnye” slova [How “Phantom” Words Appear and Live]. *Palaeoslavica*, VI, 273–280.

Shapoval, V. V. (2011). Vyivlenie oshibok v dialektnom slovare. [Finding Mistakes in a Dialect Dictionary]. In E. Yu. Lyubova (Ed.), *“I nezhnyi vkus rodimoj rechi...”: sb. nauch. tr., posviashch. iubileiu dokt. filol. nauk, prof. L. A. Klimkovo* [“And the Tender Taste of the Native Language”: A Collection of Articles for the Birthday of Professor L. A. Klimkova] (pp. 508–511). Arzamas: AGPI. (In Russian)

Strakhov, A. B. (2004). Po stranitsam “Slovaria russkikh narodnykh govorov” (zamechaniia, popravki, sobrazheniia) [On the “Dictionary of Russian Popular Dialects” (Remarks, Corrections, Thoughts)]. *Palaeoslavica*, XII, 1, 254–324.

Tolstaya, S. M. (2005). Ritm i inertiia v strukture zagovornogo teksta [Rhythm and Inertia in a Spell Text]. In T. N. Sveshnikova (Ed.), *Zagovornyi tekst. Genezis i struktura* [A Spell Text: Genesis and Structure] (pp. 292–308). Moscow: Indrik. (In Russian)

Zhuravlev, A. F. (1998). Oi did-lado i ego analogii [Oi did-lado and Its Analogies]. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова* [On the 70th Anniversary of Vladimir Toporov] (pp. 226–234). Moscow: Indrik. (In Russian)

Zhuravlev, A. F. (2014). Leksikograficheskie fantomy [Lexicographic Phantoms]. 8. SRNG, P. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova* [Studies of the Russian Language Institute Named after V. V. Vinogradov] (Iss. 3: Dialektologiya [Dialectology], pp. 168–187). Moscow: IRL RAN. (In Russian)

Submitted on 29 May, 2017

Accepted on 06 October, 2017